

С. М. ТОЛСТАЯ

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Как известно, в лингвистике до сих пор нет сколько-нибудь единого, общепризнанного понимания морфонологии, ее предмета, задач, ее статуса в кругу лингвистических дисциплин. Объективной основой отрицания самостоятельности морфонологии является сложность, неоднородность самого предмета, который, с одной стороны, пересекается с традиционной областью фонологических фактов (позиционно обусловленные чередования, фонемный состав морфем), а с другой стороны, захватывает явления, имеющие явно иную природу (морфологические, или традиционные чередования). Объединение же этих разнородных отделов в рамках одной дисциплины достаточно убедительно мотивируется тем, что как одни (условно «фонологические»), так и другие (условно «морфологические») факты характеризуют фонемную структуру морфемы и возможности ее варьирования в словоизменении и в словообразовании, и с этой точки зрения отличаются друг от друга лишь степенью и типом обусловленности. (Здесь уместно вспомнить, что Бодуэн де Куртене объединял термином «альтернатия» все разновидности звуковых соответствий, как позиционно обусловленных, так и не обусловленных¹. Точно так же и морфонология Трубецкого² содержала оба этих раздела).

Пограничное положение, занимаемое морфонологией, создает сложную зависимость морфонологических интерпретаций от результатов фонологического и морфологического анализа. Достаточно очевидно, что морфонология, базирующаяся, например, на фонологической концепции московской школы, должна по своему содержанию отличаться от морфонологии, исходящей из ленинградской концепции фонемы. Эти две концепции в принципе сходны в том, что касается смысловозначительной сущности фонемы, и, более того, они в общем согласуются в своих выводах об инвентаре русских фонем, несмотря на известные отличия, связанные с трактовкой безударных гласных или *i ~ y*, которые отнюдь не являются прямым следствием их принципиальных расхождений. Принципиальное расхождение следует, как кажется, видеть в том, как трактуется в каждой из школ проблема отождествления реальных единиц текста с предварительно выделенными (совсем иной процедурой; скажем, на основе минимальных пар) фонемами³.

¹ И. А. Бодуэн де Куртене, Опыт теории фонетических альтернатий, в кн. «Избр. труды по общему языкознанию», I, М., 1963.

² N. Troubetzkoy, Das morphonologische System der russischen Sprache, TCLP, 5, 2, 1934.

³ Следует предупредить, что в данном случае мы не имеем в виду той версии московской фонологической концепции, которая принадлежит М. В. Панову. В его книге «Русская фонетика» (М., 1967) указанное различие, хотя и совсем иначе трактуемое, лежит в основе противопоставления синтагмофонетики и парадигмофонетики. С нашей точки зрения, содержание этой книги не только не исчерпывается «фонетикой», но оно не исчерпывается даже и «фонологией», а содержит, помимо них, еще и добрую часть морфонологии (по существу, морфонологией является вся парадигмофонетика).

Нужно сказать, что при этом затрагивается более общая проблема лингвистики — необходимость различать между способом выделения парадигматических единиц (для чего достаточно одного единственного противопоставления, т. е. в другой терминологии — одной сильной позиции) и способом отождествления реальных единиц текста с уже выделенными элементами системы. Что эти способы могут быть разные при одном и том же инвентаре элементов, легко показать на примере идентификации фонем по различительным признакам.

Так, выделение признака глухости — звонкости, допустим, на основе оппозиции $t - d$ никак не предопределяет результата идентификации русской фонемы c . Точно так же, как в данном случае возможна трактовка этого признака как релевантного для фонемы c , исходя из того, что этот признак фонологически релевантен для системы в целом, т. е. хотя бы для пары ее членов, и физически (артикулярно-акустически) приемлем для c , — точно так же в ленинградской интерпретации одна фонема (в иной терминологии «слабая») отождествляется с другой («сильной»), фонологически значимой в системе, на основании физического сходства. Совершенно иной принцип идентификации в московской школе. Иначе говоря, одно дело установление инвентаря фонем (здесь отличия московской и ленинградской школ не столь велики) и совсем другое дело — определение фонемного состава реальных морфем, или, точнее, отождествление каждой конкретной единицы морфемы с уже известными фонемами. Именно в этом втором кроется коренное различие московской и ленинградской теории, во всяком случае с точки зрения морфонологии.

Если в морфеме *пруд* последнюю фонему отождествить с t , как сделали бы ленинградцы, то придется, анализируя фонемный состав этой морфемы в других словоформах (род. падеж *пруда* и т. д.), признать в ней чередование $t \sim d$, зависимое от окружения. Если же в духе московской теории идентифицировать последнюю фонему как звонкую d , то, строго говоря, ни о каком чередовании фонем не может быть речи.

Разумеется, что общая фонологическая позиция исследователя склывается и на принимаемых им частных морфонологических решениях. Так, признание i и y в русском языке одной фонемой неизбежно влечет за собой признание непозиционного чередования твердых и мягких согласных перед этой фонемой, тогда как противоположная трактовка — т. е. признание за каждым из звуков фонологической самостоятельности — приводит к интерпретации этого чередования как в полной мере обусловленного позиционно.

Таким образом, приверженность к московской трактовке фонемы не позволяет признать позиционные чередования особым разделом, отторжимым от фонологии, поскольку сама фонологическая концепция исходит из морфемы и всего ряда ее позиционных вариантов (не говоря уже о той ее версии, в которой формулируется понятие фонемного ряда). Тем более очевидна недопустимость в рамках московской теории понятия «морфонема», которое по существу уже содержится в понятии фонемы. Напротив, ленинградская теория не должна, по-видимому, исключать возможности признания морфемы как обобщения позиционно чередующихся в составе морфемы фонем. Что же касается чередования, то это понятие прямо вытекает из ленинградской концепции.

Если говорить о морфонологии в полном объеме ее задач, как они были определены Н. С. Трубецким, то исключение из нее позиционно-обусловленных чередований никак нельзя считать оправданным. Фонологически обусловленные чередования представляют собой только частный случай претерпеваемых морфемой фонемных модификаций, отличающийся от других случаев лишь большей степенью обусловленности.

Предпосылкой всякого морфонологического описания должно быть полное представление о всех вариациях фонемного состава каждой морфемы. Однако практически невозможно оперировать полными рядами альтернантов, манифестирующими вариативность каждой морфемы — это было бы крайне неэкономно, учитывая многократную повторяемость отдельных звеньев в разных рядах. Поэтому, как правило, морфолог имеет дело с минимальными повторяющимися в индивидуальных рядах звеньями, чаще всего парами фонем, которые и называются чередованиями.

Выделение чередований даже внутри одного ряда сопряжено с известными трудностями, в том числе и теоретического порядка. Так, если в парадигме существительного *вода* можно выделить ряд чередующихся элементов d, d', t , то, вообще говоря, не очевидно, что элементарными чередованиями должны быть признаны $d \sim d'$ и $d \sim t$, но не $d' \sim t$. Точно так же, анализируя парадигму глагола *спать*, обнаруживаем ряд p (*спать*, *спал* и т. д.), p' (*спят*, *спит* и т. д.), и pl' (*сплю*). Однако элементарными чередованиями могут быть признаны как $p \sim p'$ (*спал* — *спят*) и $p \sim pl'$ (*спать* — *сплю*), так и $p' \sim pl'$ (*спят* — *сплю*), и это зависит от морфологических отношений соответствующих словоформ, к которым принадлежат чередующиеся элементы.

Другая трудность связана с необходимостью отождествления элементарных чередований, принадлежащих разным морфемам. В самом деле, можно ли отождествить чередование $g \sim \dot{z}$, наблюдаемое в парадигме глагола *беречь* (*берегу* — *бережешь*), с тем же чередованием в словообразовательном ряду *берегу* — *бережный*, т. е. чередованием, относящимся к той же морфеме, но в составе иной «парадигмы»? С другой стороны, можно ли отождествить это чередование с чередованием в парадигме *стерегу* — *стережешь*, т. е. в иной морфеме, но идентичной парадигме? Наконец, можно ли отождествить чередование в *берегу* — *бережешь* с чередованием $g \sim \dot{z}$, принадлежащим совсем другой морфеме и совсем иной парадигме: *берег* — *бережок* или *дорогой* — *дорбже*?

Почему важно руководствоваться некоторыми принципами отождествления чередований? Дело в том, что одно и то же чередование может иметь в разных категориях случаев разные условия и, следовательно, будет описано разными морфонологическими правилами. Например, в болгарском языке чередование гласного $\ddot{a}$ с нулем различно по своему характеру в словоформах существительного и прилагательного. Если у прилагательных (речь идет о формах мужского рода) появление гласного обусловлено концом слова, а во всех остальных случаях представлен нуль, то у существительных вокалическая ступень может появляться и в неконечном положении, например в членной форме: *вятър* — *вятърът*, *вятъра* — *ветрове*.

В таком случае, естественно, встает вопрос о том, что следует считать одним чередованием. Было бы неэкономно считать такой единицей элементарное чередование, наблюдаемое в одной какой-то морфеме. С другой стороны, невозможно признать единицей чередование одних и тех же альтернантов в разных морфемах независимо от условий. По-видимому, одним чередованием разумно считать такие пары чередующихся элементов, тождественные в разных морфемах, которые имеют одинаковые условия и описываются одинаковыми правилами.

Следовательно, в морфонологии должны быть сформулированы, во-первых, принципы выделения элементарных чередований, принадлежащих индивидуальным морфемам, а во-вторых, принципы отождествления элементарных чередований разных морфем, характеризующихся тождественными условиями.

Однако выполнение этой задачи упирается в неопределенность самого понятия условия и обусловленности чередования. В общем виде под условиями чередования должны пониматься признаки (как фонологические, так и морфологические, и даже иногда стилистические) тех словоформ, в которых фигурирует каждый альтернант. Следовательно, по существу речь должна идти не об условиях чередования как такового, а скорее об условиях функционирования каждого члена чередования. То же самое можно сказать об обусловленности чередования, т. е. о его детерминированности одним или несколькими признаками (условиями). Обусловленность характеризует не чередование в целом, а каждый его член в отдельности. При этом альтернант следует считать автоматически обусловленным некоторыми признаками словоформы, если противопоставленный ему альтернант невозможен в словоформе с теми же признаками. Так, в случае чередования звонкого и глухого согласного в парадигме слова *пруд* глухой согласный следует считать автоматически обусловленным следующей паузой, поскольку этот признак (условие) исключает возможность появления чередующегося с ним звонкого согласного. Но звонкий согласный не будет иметь фонологической обусловленности, поскольку в той же позиции возможен и глухой согласный. То же самое можно наблюдать и в случае морфологической обусловленности: в чередовании $g \sim \dot{z}$ (*берегѹ — бережѣшь*) альтернант $\dot{z}$ обусловлен грамматической формой 2-го лица ед. числа наст. времени (то, что он не обусловлен фонологически, очевидно), где g невозможно, тогда как альтернант g вовсе не обусловлен морфологическими признаками своей словоформы, ср. *бережѹ* (от *берѣдитъ*).

Фонологическая обусловленность — это высшая степень обусловленности, поскольку она распространяется абсолютно на все реальные словоформы с общим признаком и не допускает исключений. Возможны и менее сильные степени обусловленности. Неабсолютная обусловленность, которую можно назвать морфофонологической, отличается от фонологической тем, что она ограничена определенными морфологическими категориями. В качестве примера можно привести чередование твердых и мягких согласных перед i в польском языке, но не перед всяким i (это было бы фонологической обусловленностью), а только перед i -флексией им. падежа мн. числа в лично-мужских формах. В пределах этой категории обусловленность позиций абсолютна.

Поскольку морфонологию интересуют именно условия чередований, служащие основанием для их систематизации, и поскольку эти условия различны для каждого члена чередования, то трактовка чередования как корреляции равноправных альтернантов, каждый из которых имеет собственную обусловленность, оказывается весьма неудобной для морфонологического описания. Более приемлемой следует считать трактовку чередования как отношения с фиксированным направлением. Между членами чередования и соответственно между вариантами морфемы признаются в таком случае отношения производности, причем характер такого направленного чередования определяется условиями производного члена. К такому пониманию чередования близки морфофонологические концепции ряда американских авторов, в исследованиях которых морфонология строится как система правил, применяемых к корпусу морфем языка, взятых в их исходной форме и позволяющих получить в результате все прочие варианты каждой морфемы⁴. Очевидно, что понятие направления

⁴ Позиция американских авторов в этом вопросе непосредственно определяется общим дескриптивным или порождающим подходом к описанию языка. См., например: A. M. Schenker, Polish declension. A descriptive analysis, The Hague, 1964; H. J. A. G. n s o n, Bulgarian inflectional morphophonology, The Hague — Paris, 1968.

является всего лишь логическим продолжением понятия исходной формы, а правила выбора исходной формы могут служить одновременно критерием для выбора направления.

Следует сказать, что и в работах, восходящих к другим лингвистическим традициям, предлагаемые морфонологические правила всегда односторонни, т. е. ориентированы на одно определенное направление, хотя в них мы не найдем эксплицитно выраженных понятий исходной формы или направления. О том, что имплицитно представление о направлении чередования всегда присутствует, свидетельствуют квалификации конкретных чередований как позиционных, хотя эта квалификация неверна для того же чередования с противоположным направлением. Например, чередование согласных по глухости — звонкости всегда рассматривается как типичный пример позиционного. Однако это верно только при том условии, что исходной избирается форма с согласным в позиции перед гласным. Так, в двух словоформах польского существительного *bodziec* — *bodźca* чередование $\dot{z} \sim \acute{c}$ можно признать автоматически обусловленным фонологической позицией только при направлении $\dot{z} \rightarrow \acute{c}$ (перед следующим с звонкий согласный невозможен). Противоположное направление $\acute{c} \rightarrow \dot{z}$ придает этому чередованию характер не обусловленного, поскольку [bośec] фонологически так же допустимо, как и [boʒec].

Если имплицитно понятие направления используется в морфонологических описаниях, то, естественно, должны существовать и какие-то подразумеваемые правила или критерии выбора направления применительно к каждому элементарному чередованию и к чередованию в более общем смысле.

Чаще всего выбор направления (или, что то же самое, — исходной формы морфемы) ставится в зависимость от внешних по отношению к морфонологии соображений. Так, при описании морфонологии словоизменения исследователи нередко считают исходным тот вид основы, который представлен в словарной словоформе, т. е. для существительных — в им. падеже ед. числа, для глаголов — в инфинитиве и т. д. Однако с морфонологической точки зрения такое решение не всегда будет оправданным. В самом деле, если таким образом избирается исходная форма для русских существительных, в основе которых чередуется гласный с нулем, то ориентация на словарную словоформу приводит к разной характеристике этого чередования в случае существительного женского и среднего рода, с одной стороны, и существительных мужского рода — с другой. Для первых исходной формой будет словоформа с нулевой ступенью, следовательно чередование будет направлено от нуля к гласному, тогда как исходная форма вторых (т. е. существительных мужского рода) будет содержать гласный, а чередование примет противоположное направление. Очевидно, что такая двойственная интерпретация одного и того же чередования с абсолютно тождественными условиями появления каждого из членов в морфонологическом отношении несостоятельна. В ряде случаев выбор словарной словоформы в качестве исходной дает менее удовлетворительный результат, чем иное решение, даже при анализе элементарного чередования, характерного для одной морфемы. Например, исходная основа им. падежа польского существительного *gołęb* требует установления чередования $b \rightarrow b'$ (род. падеж *gołębia*), которое является морфонологическим, т. е. не обусловленным фонологической позицией. В то же время основа косвенных падежей *gołęb'* с мягким губным, избранная в качестве исходной, давала бы автоматическое, фонологически обусловленное чередование с противоположным направлением $b' \rightarrow b$, поскольку мягкие губные на конце слова в польском невозможны.

Тем не менее, несмотря на явные недостатки, такой подход имеет существенные преимущества в лексикографическом отношении, так как он позволяет использовать при морфонологическом описании словоизменения имеющиеся словари в качестве корпуса основ, тогда как в любом другом случае потребовался бы специальный словарь, где для каждой основы была бы индивидуально определена исходная форма. Правда, преимущества ориентации на обычный словарь сводятся на нет при описании морфонологии словообразования, поскольку каждая словообразовательная морфема представлена в словаре во всех своих вариантах, и, следовательно, выбор между ними неизбежен.

Другим имплицитным критерием выбора направления может быть исторический, в соответствии с которым избирается направление, совпадающее с историческими отношениями между членами чередования, которые всегда односторонни. Исторически каждый член чередования либо восходит к другому члену чередования, либо сам является источником другого, либо, наконец, оба члена восходят к некоторому третьему. В последнем случае обычно конструируется условная исходная форма, как бы «восстанавливающая» общий источник чередующихся элементов. Такова, например, роль морфонологического нуля, восстанавливающего утраченные славянские еры.

Теоретически возможны и другие критерии выбора исходной формы и направления при описании чередований, причем они тем более приемлемы, чем они «морфонологичнее». Так, при выборе исходной формы может приниматься во внимание грамматическая или словообразовательная мощность варианта, избираемого исходным (т. е. число реальных словоформ или дериватов, в составе которых выступает этот вариант), причем предпочитаться должен наиболее мощный. Выбор направления может быть поставлен в зависимость от регулярности получаемого чередования, причем в интересах экономности описания при прочих равных условиях должны предпочитаться более регулярные чередования менее регулярным.

Все эти критерии, однако, должны быть признаны вспомогательными, второстепенными. На первое место, несомненно, следует поставить критерий степени обусловленности чередования (или, точнее, — его производного члена). В соответствии с этим критерием направление должно избираться таким образом, чтобы полученное чередование оказалось в большей степени обусловлено фонологической или грамматической позицией, чем чередование с противоположным направлением. Если речь идет об индивидуальном элементарном чередовании, характеризующем, например, конкретную пару словоформ, то применение этого критерия не сопряжено с какими бы то ни было трудностями. Так, сопоставление словоформы им. падежа ед. числа *čtlor* и словоформы им. падежа мн. числа *čtlori* (лично-мужская форма) обнаруживает чередование *p* твердого и *p'* мягкого. Поскольку твердость *p* на конце слова фонологически обусловлена, тогда как мягкое *p'* перед *i* не обусловлено (ср. *snor* — *snory*), если, конечно, не считать *i* и *y* разными фонемами, то в соответствии с нашим критерием этому чередованию следует придать направление от *p'* мягкого к *p* твердому. Однако анализ других словоформ парадигмы слова *čtlor* показывает, что твердое *p* может быть столь же необусловленным, как и *p'* в форме *čtlori*. Тем более возможны несовпадения условий при обобщении индивидуальных чередований, свойственных разным морфемам. Например, в односложных словах с чередованием гласного с нулем типа *день* — *дня* вокалическая ступень позиционно обусловлена перед нулевой флексией, тогда как в других, не односложных словах с таким точно чередованием полная ступень перед нулевой флексией не может

считаться обусловленной, например, в форме *pálok* (род. падеж мн. числа от *pálka*), поскольку фонологически возможно скажем, *полк*. Разумеется, с точки зрения экономии и простоты описания нежелательно расщеплять это чередование на два чередования с разными условиями и, возможно, с разными направлениями, хотя критерий обусловленности этого требует. В таких случаях неизбежны отступления либо от критерия обусловленности, либо от критерия экономии.

До сих пор об исходной форме и о направлении чередования говорилось как о взаимно определяющих понятиях. В действительности, однако, это верно только для таких элементарных чередований, которые не сопровождаются другими чередованиями в тех же вариантах морфемы, но в других позициях. В самом деле, если два варианта морфемы отличаются одновременно двумя фонемами, то характеризующие их два элементарных чередования могут требовать разных направлений. В таких случаях каждое чередование оценивается независимо от другого и для каждого в отдельности избирается направление. Например, для вариантов *r'es-* и *ps-* в парадигме польского существительного *pies* устанавливаются сначала два ненаправленных чередования: $p \sim p'$ и $e \sim \emptyset$, затем для первого из них выбирается направление от мягкого к твердому $p' \rightarrow p$, так как оно дает автоматическое чередование (перед согласными мягкие губные в польском невозможны), а противоположное направление его не дает, ср. *rewnu*, а для второго направления — от нуля к гласному, так как нуль автоматически замещается гласным в односложном слове перед нулевой флексией. Следовательно, первое чередование требует выбора варианта *r'es-* как исходного, а второе чередование исходит из варианта *ps-*. В такой противоречивой ситуации конструируется условная форма, не совпадающая ни с одним из реальных видов основы, а отражающая одновременно признаки обеих исходных форм. Следовательно, получается условный вид исходной основы $p's-$, не совпадающий ни с реальным видом *r'es-*, ни с реальным видом *ps-*, но зато переход от этого условного вида к каждому из реальных оказывается автоматическим, т. е. простейшим.

Таким образом, в морфонологическом описании не всегда возможно оперировать ненаправленными чередованиями: это в принципе возможно при установлении их грамматических функций или лексической мощностности, но невозможно при их квалификации в зависимости от условий, т. е. при их собственно морфонологической систематизации.